

8. Национал-социализм

Гораздо важнее формы фашизма, представленные наиболее сильно развитой страной капиталистической Европы. Проиграв первую мировую войну и опустившись до полного бессилия, Германия через фашизм получила возможность подготовиться ко второй, более грозной попытке захвата мировой власти.

В послевоенные годы страданий и унижений постепенно собирающаяся националистическая молодежь чувствовала инстинктивно, что ее будущее зависит от организации власти. Среди многих конкурирующих организаций Национал-социалистическая партия кристаллизовалась как группа с самым быстрорастущим составом, а затем поглотила остальных. Она превалировала, имея экономическую программу, резко антикапиталистическую, т. е. социалистическую, чтобы привлечь мелкую буржуазию, крестьян и часть рабочих. Направлен, конечно, против капитала, такого, какой эти классы видят в нем их угнетателя, ростовщика, риэлторских контор, больших складов, а тем более противятся еврейскому капиталу. Антисемитизм выражал чувства этих классов, а также академических кругов, которые чувствовали угрозу еврейской конкуренции теперь, когда республика предоставила равные гражданские права. Острый национализм выражал чувства всей буржуазии, резко протестуя против унижения Германии, обличая Версаль и призывая к борьбе за новую власть, за новое национальное величие. Когда великий кризис 1930 года привел массы среднего класса в панический ужас, когда они, благодаря миллионам голосов, сделали национал-социализм мощной партией, немецкий крупный капитал увидел свой шанс. Он дал деньги на подавляющую пропаганду, которая вскоре выбила из поля зрения колеблющихся либеральных и социалистических политиков, сделала сильнейшей партией национал-социалистическую, а её лидера — главой правительства.

В отличие от других партий в правительстве, его первые положения заключались в том, что он никогда не должен терять свою государственную власть. Исключив Коммунистическую партию из Рейхстага в качестве преступника и присоединившись к более мелким националистическим группам, она обеспечила себе для начала большинство. Все важные правительственные и полицейские должности были заполнены членами партии; коммунистические боевые группы были подавлены, националистические — получили привилегии. Последние, защищенные властями, безнаказанно совершая акты насилия, могут распространить настолько сильный террор, что в народе подавляются все идеи сопротивления. Ежедневная пресса сначала была намотана намордниками, затем постепенно захвачена и «уравновешена» в органах национал-социализма. Представителям социалистических и демократических кругов пришлось бежать в другие страны; широко распространенная социалистическая и не менее ненавистная пацифистская литература была собрана в ходе ожесточенных поисков и торжественно сожжена. С первых дней начались гонения на евреев, которые постепенно становились все более жестокими и, наконец, провозгласили своей целью истребление всего еврейского народа. Диктатура решительно настроенного, хорошо организованного меньшинства закрылась вокруг

немецкого общества, чтобы дать возможность немецкому капиталу, как добропорядочному гиганту, вновь начать борьбу за мировую власть.

Вся политическая практика и все социальные идеи национал-социализма имеют свою основу в характере его экономической системы. Его основой является организация капитализма. Такие одни из первых адептов, настаивавших на старой антикапиталистической программе, конечно же, вскоре были отброшены и уничтожены. Новые меры государственного контроля над капиталом теперь объясняются как ранее обещанное подчинение и разрушение капиталистической власти. Правительственные декреты ограничивали капитал в свободе действий. Центральные органы власти контролировали продажу продукции, а также закупку сырья. Правительство давало предписания о расходовании прибыли, о размере разрешенных дивидендов, о резервах для новых инвестиций, а также о доле, необходимой для собственных целей. О том, что все эти меры были направлены не против самого капитализма, а только против произвольной свободы капитала, рассредоточенной по многочисленным мелким собственникам, свидетельствует тот факт, что в данном случае правительство постоянно руководствовалось советами крупных капиталистов и банкиров за пределами Партии, как более решительное продолжение того, что было начато уже в сотрудничестве с бывшими менее смелыми правительствами. Это была организация, навязанная условием немецкого капитализма, как единственное средство для восстановления ее власти.

При капитализме капитал — это хозяин; капитал — это деньги, претендующие на прибавочную стоимость, создаваемую трудом. Труд является основой общества, но деньги, золото, являются его хозяином. Политэкономия имеет дело с капиталом и деньгами как направляющими силами общества. Так было в Германии, так было везде. Но немецкий капитал был побежден, истощен, разрушен. Он не был потерян, он сохранил себя как хозяин шахт, фабрик, общества, труда. Но деньги ушли. Военные репарации давили как тяжелый долг и препятствовали быстрому накоплению нового капитала. Немецкий труд был данью победителям, а через них — Америке. Поскольку Америка изолировала себя от импорта товаров, ей приходилось платить золотом; золото исчезло из Европы и задушило Америку, ввергнув обеих в мировой кризис.

Немецкая «революция» 1933 года — как называют её нацисты — это восстание немцев против американского капитала, против господства золота, против золотой формы капитала. Это было признание того, что труд является основой капитала, что капитал владеет трудом, и что, следовательно, золото не является необходимым. Реальные условия для капитализма, многочисленный, умный и квалифицированный рабочий класс и высокая степень техники и науки, присутствовали. Поэтому он отказался от данничества, отверг требования иностранного золота и организовал капиталистическое производство на основе товаров и труда. Таким образом, для использования внутренней пропаганды, всегда можно было говорить о борьбе с капиталом и капитализмом; ибо капитал был деньгами, это было золото, которое царствовало в Америке, в Англии, во Франции, как оно царствовало прежде в Германии. Разделительная брешь в этой линии мысли разрывалась между спекуляциями и эксплуатацией ростовщиков и капиталистов, с одной стороны, и трудолюбивыми рабочими и работодателями, с другой стороны.

При свободном капитализме прибавочная стоимость, растущая повсюду из производства, накапливается в банках, ищет новую прибыль и вкладывается ее владельцем или банком в новые или уже существующие предприятия. Поскольку в Германии денег было мало, государству приходилось предоставлять средства для создания новых необходимых предприятий. Это можно было сделать только путем конфискации прибыли всех предприятий с этой целью, после выплаты акционерам определенного дивиденда. Таким образом, оно утвердилось в качестве центрального лидера экономики. В условиях чрезвычайного положения немецкого капитализма расходование капитала не могло быть оставлено на волю и капризы частных капиталистов, на роскошь, на спекуляцию или иностранные инвестиции. При строгой экономии все средства должны быть использованы для восстановления экономической системы. Каждое предприятие теперь зависит от кредита, выданного государством, и находится под постоянным контролем государства. Для этого государство имеет свои кабинеты экономических экспертов, в которых доминируют руководители крупных предприятий и концернов, по их советам. Это означает полное доминирование монопольного капитала над мелкими капиталистами в системе плановой экономики. Сознательная организация заменила автоматизм золота.

Германия, хотя и стремилась к автаркии, не могла существовать без ввоза сырья извне, расплачиваясь за него, потому что не имела денег, экспортом собственной продукции. Следовательно, торговля не могла быть оставлена на произвол частных дилеров, на желание общества излишних или иностранных фантазий. Когда все продажи служат необходимой перестройке, правительство должно контролировать внешнюю торговлю по жестким предписаниям или брать ее в свои руки. Оно контролирует и ограничивает любые переводы денег через границы, даже туристические поездки; все векселя на иностранных должников должны быть доставлены. Государство само занимается крупномасштабной торговлей, как куплей, так и продажей. Большая трудность старой экономической системы, переход товаров в золото, продажа товаров, главная причина стольких неудач и кризисов, тем самым решается автоматически и одновременно. Государство, как универсальный посредник, может в каждом договоре купли-продажи предусмотреть, что будет куплена такая же стоимость его товара, так что деньги не нужны. Или выражаясь иначе: продавая свой товар, оно просит, чтобы ему заплатили не деньгами, а натурой, другими товарами: немецкие машины за венгерскую пшеницу или румынскую нефть. Золото исключается из бизнеса путем прямого бартера товаров.

Но теперь бартер в гигантском масштабе, с продукцией и потребностями целых стран одновременно. Частные дилеры в других странах редко имеют здесь такие монополии, которые необходимы; более того, такие крупные сделки, особенно с материалами, пригодными для войны, имеют политические последствия. Поэтому иностранные правительства должны вмешаться. Если они еще не были приспособлены к таким экономическим функциям, то сейчас они приспосабливаются, берут в свои руки утилизацию продукции и, в свою очередь, переходят к регулированию торговли и промышленности. Таким образом, государственный контроль в крупной стране приводит к государственному контролю в других странах. В международную торговлю вводится новая система экономики — система прямого бартера товаров. Она особенно привлекательна для развивающихся стран, являющихся поставщиками сырья. Теперь они получают свои машины и пушки, не отягощаясь в Париже и Лондоне невыгодными кредитами, которые привели бы их в

финансовую зависимость. Таким образом, немецкая экономическая экспансия вытесняет из этих стран английский и французский капитал и сопровождается политической экспансией. В новой экономической системе правящие классы перенимают новые политические идеи, фашистскую систему правления, которая увеличивает их власть внутри страны и лучше соответствует их потребностям, чем имитация парламентаризма. С политической точки зрения они приближаются к Германии. Таким образом, то, что поначалу, согласно старым экономическим идеям, выглядело парализующей слабостью, отсутствие золота, теперь превратилось в источник новой силы.

Немецкий капитализм открыл новую дорогу к восстановлению и власти. Это не могло не оказать огромного влияния на идеи и чувства буржуазии, особенно на капиталистическую и интеллектуальную молодежь. В послевоенные годы он пережил бедность и уныние, отчаяние и бессилие под Веймарской республикой; теперь он снова видит будущее, полное надежд. Когда класс под давлением и зависимостью видит грядущее великое будущее с еще неограниченными возможностями, пробуждается энтузиазм и энергия; он одевает грядущий мир одеждой превознесенных идеологий, вдохновляющих умы. Таким образом, национал-социализм говорит о своем завоевании власти как о великой социальной, политической и духовной революции, намного превосходящей все предыдущие революции, которая положит конец капитализму, установит социализм и общность, которой суждено было обновить общество на тысячи лет.

На самом деле произошло лишь структурное изменение капитализма, переход от свободного к плановому капитализму. И все же это изменение достаточно важно, чтобы ощущаться как начало новой великой эпохи. Человеческий прогресс всегда заключался в замене инстинктивных действий, случайностей и обычаев целенаправленным планированием. В технике наука уже заменила традицию. Однако экономика, общественная совокупность производства, была оставлена на волю случая, на личное угадывание неизвестных рыночных условий. Отсюда напрасный труд, разрушительная конкуренция, банкротство, кризис и безработица. Плановая экономика пытается навести порядок, регулировать производство в соответствии с нуждами потребления. Переход от свободного капитализма к капитализму, управляемому диктатурой государства, означает, по сути, конец безжалостной борьбы всех против всех, в которой слабые уступали. Это значит, что каждый получит свое место, гарантированное существование, и что безработица, бич рабочего класса, исчезнет как тупое распыление ценной рабочей силы.

Это новое состояние находит свое духовное выражение в лозунге общности. В старой системе каждый должен был бороться за себя, руководствуясь только эгоизмом. Теперь, когда производство организовано в централизованное единство, каждый знает, что его работа является частью целого, что он работает на национальное сообщество. Там, где потеря старой свободы могла бы вызвать недовольство, интенсивная пропаганда подчеркивает служение обществу как высокий моральный принцип нового мира. Этого вполне достаточно, чтобы увлечь, особенно молодых людей, в преданное служение. Более того, антикапиталистическая фикция об исключении золота путем настойчивой пропаганды вбивается в сознание как новое правление труда. Община и труд находят свое общее выражение в названии социализм.

Этот социализм — национал-социализм. Национализм, самая могучая идеология буржуазии, стоит над всеми другими идеями как господин, которому они должны служить. Общность — это нация, она состоит только из сограждан, труд — это служение своему народу. Это новый, лучший социализм, полностью противоположный интернациональному социализму еврейского марксизма, который своей доктриной классовой войны разорвал национальное единство. Он сделал немецкий народ бессильным; национал-социализм превращает национальную общность в могучее нерушимое единство. Для нацистской доктрины нации — это субъекты, составляющие человечество. Нации должны бороться за свое место на земле, за свое «жизненное пространство»; история показывает почти непрерывную череду войн, в которых сильные народы истребляли, изгоняли или подчиняли себе более слабые. Так было и так будет. Война — естественное состояние человечества, мир — не что иное, как подготовка к будущей войне. Поэтому первый долг каждого народа — сделать себя сильным против других; он должен выбрать между победой и поражением. Интернационализм и пацифизм — бескровные абстракции, но опасные, потому что они истощают силу народа.

Первой целью национал-социализма было создание мощного единства всего немецкоязычного народа. В результате неблагоприятного исторического развития он был разделен на ряд отдельных государств, лишь неполностью объединенных в бывший рейх Бисмарка — австрийская часть осталась независимым государством, к тому же изуродованным победителями 1918 года. Призыв к национальному единству нашел широкий отклик в чувствах даже таких изолированных групп, как немецкие поселенцы в Трансильвании или в Америке. Вследствие переплетения мест проживания представителей разных рас, а также в силу экономических связей принцип политического единства, конечно, сталкивается со многими трудностями. Немецкоязычный город Данциг был естественной гаванью для окружающей польской окраины. Чехословацкое государство как славянский выступ разделяло северных и австрийских немцев и включало на внутренних склонах пограничных хребтов [Судетах] трудолюбивое немецкое население. При капитализме такие ненормальные случаи решаются не по справедливому принципу, а по принципу «сила против силы». Таковы были прямые мотивы, породившие нынешнюю мировую войну.

С первого дня подготовка к войне была ведущей мыслью национал-социализма, целью всех его мероприятий. С этой целью промышленность контролировалась и регулировалась государством, с этой целью частные прибыли и дивиденды были урезаны, с этой целью вложение капитала и основание новых предприятий было поручено государственным экономическим ведомствам. Вся прибавочная стоимость сверх определенной нормы прибыли для акционеров изымается государством для своих нужд; эти нужды являются высшим общим интересом всей буржуазии. При старом капитализме государству приходилось добывать деньги для своих нужд путем налогообложения, иногда хитроумным методом несправедливых косвенных налогов, а если прямыми налогами, то уступаемыми неохотно и под подозрительным контролем со стороны собственников и рассматриваемыми как несправедливое посягательство на их личные расходы. Теперь все изменилось. Государство по своему праву берет то, что ему нужно, прямо у источника, основную часть прибавочной стоимости, а капиталистам-собственникам оставляет некоторый остаток, установленный по своему усмотрению. Государству больше не приходится выпрашивать у хозяев средств производства; теперь оно само себе хозяин, а они — получатели. Огромный прирост

финансовой мощи по сравнению с другими государствами; но необходимый для успеха в мировой борьбе. И снова национал-социализм таким образом предстает перед народными массами как власть, которая сдерживает капитал, заставляя его отдавать основную часть своей прибыли на общее благо, обществу.

Более того, государство является непосредственным хозяином производства. При старом капитализме, когда государство с трудом вымогало деньги на военные расходы у парламента или занимало их под жирные проценты у банкиров, ему приходилось тратить их на монополистическую частную оружейную промышленность. Эти концерны, связанные между собой на международном уровне, хотя и выдавали себя за национальные фирмы, Крупп в Эссене, Шнайдер в Ле-Крюзо, Армстронг в Англии, не только получали большие прибыли, но и без зазрения совести беспристрастно снабжали врагов и союзников самыми совершенными и новейшими изобретениями. Это выглядело так, как будто война — глупая игра политиков, чтобы разжиреть на нескольких оружейных капиталистах. Для национал-социализма, однако, война — это самое серьезное дело, для которого может быть использована неограниченная часть всего промышленного аппарата. Правительство решает, какая большая часть всей сталелитейной и химической промышленности должна пойти на вооружение. Оно просто приказывает строить заводы, оно организует науку и технику для изобретения и испытания нового и лучшего оружия, оно совмещает функции военного офицера, инженера и изобретателя, и делает военную науку [Wehrwissenschaft] предметом специального обучения. Бронеавтомобили, пикирующие бомбардировщики, большие подводные лодки со все более совершенными установками, быстроходные торпедные катера, ракеты, все новые конструкции могут быть построены в тайне. Никакая информация не доходит до врага, никакая сенсационная ежедневная пресса не может опубликовать никакого сообщения, никакие члены парламента не могут запросить информацию, никакая критика не должна быть встречена. Таким образом, оружие накапливается в течение многих лет лихорадочной подготовки к войне, пока не наступает момент нападения.

В старом капитализме война была возможностью, которой избегали до тех пор, пока это было возможно, или, по крайней мере, от нее отказывались, оборонительной войной в основном со стороны старых довольных держав. Новые растущие державы, агрессивные, потому что они должны завоевать свою долю в мире, имеют позитивную цель, которая напрягает энергию гораздо сильнее, чем негативная цель простой пассивной защиты существующих условий. Они «динамичны»; в военной тактике этот характер представлен в неотразимом импульсе хорошо подготовленного массового наступления. Таким образом, немецкий капитализм, создав нацистское правительство, полностью доминирующее над всей экономической жизнью, обеспечил себя несравненной военной машиной. Однако можно задать вопрос, не стрелял ли он мимо цели? Стремясь к власти над миром, не утратила ли она господство у себя дома? Может ли немецкая буржуазия по-прежнему называться правящим классом?

Немецкий государственный контроль — это не государственный социализм. Государство не является, как в России, собственником средств производства. В России бюрократия государственных чиновников коллективно владеет промышленным аппаратом; она является правящим и эксплуататорским классом, присваивающим прибавочную стоимость. В

Германии существует многочисленная буржуазия, директора предприятий, свободные работодатели, чиновники, акционеры; они являются собственниками средств производства, живущими за счет прибавочной стоимости. Но теперь две функции акционера разделены, право распоряжения отделено от права владения. При крупном капитализме право распоряжения является важнейшей функцией капиталистической собственности; мы видим это в Америке в холдинговых компаниях. Тогда собственник в его роли эксплуататора сохраняет лишь функцию получения части прибыли. В Германии правительство забрало себе право распоряжения, право манипулировать капиталом, руководить производством, повышать производительность и распределять прибыль. Для массы буржуазии осталась детальная работа по руководству своими предприятиями и спекуляция с акциями. Поскольку производство и импорт определяются государством, частные дивиденды не могли быть потрачены иначе, чем путем покупки промышленных акций, то есть путем возвращения прибыли в качестве нового капитала в промышленность, контролируемую государством.

Таким образом, крупный капитал сохранил власть. Конечно, его надежды, когда он поставил во главе государства национал-социализм, найти послушных слуг, были разочарованы; старые хозяева промышленности и банков должны были разделить свою власть с новыми хозяевами государства, которые участвовали не только в управлении, но и в набивании карманов. Крупный капитал в Германии еще не принял американскую форму неприкосновенной собственности некоторых семей; способные смельчаки из любого места могли подняться до руководства крупными концернами. Теперь им приходилось делить свою руководящую власть с другими смельчаками, пришедшими к власти через политику и партийную борьбу. В экономических кабинетах лидеры крупного бизнеса встречаются с политическими лидерами для решения общей задачи регулирования производства. Разделительная линия между частными капиталистами и государственными чиновниками исчезает при слиянии функций. Вместе они становятся хозяевами государства и средств производства.

С глубокими изменениями в экономических и политических условиях новое умонастроение охватило немецкий народ. Усилилась взаимная связь и зависимость, ощущались градации ценностей и рангов, навязывался авторитет лидеров, повиновение масс; сознание подчиненности в крупных образованиях сопровождает плановую экономику. И прежде всего, во всем среднем классе появляется напряженный национализм, страстная воля к борьбе за мировую власть. Этот новый дух, хотя и выросший спонтанно из новых условий, не был оставлен для свободного развития, ибо в этом случае одновременно возникли бы противоположные идеи и силы. Он стал объектом интенсивной односторонней пропаганды. Чтобы сделать эти чувства духовной силой, связывающей весь народ в боевое единство, они поддерживались и развивались специальными средствами. Пропаганда и воспитание стали задачей отдельного государственного департамента, наделенного неограниченными финансовыми средствами. Все полезные силы пропаганды, науки, литературы и искусства были брошены на систематическую работу по вдалбливанию во все головы национал-социалистических идей, с исключением всех отклоняющихся духовных влияний.

Это означало полный духовный деспотизм. Если при прежних системах деспотизма ежедневная пресса притеснялась или преследовалась только глупой цензурой, часто

перехитряемой смекалкой редакторов, то теперь вся пресса была аннексирована партией и обеспечена членами партии в качестве редакторов. Нацистское государство было не только хозяином материальной жизни человека, но и хозяином духовной жизни с помощью партии. Ни одна книга или сочинение, выражающие девиантные мнения, не могли быть опубликованы; иностранные издания тщательно контролировались перед тем, как быть допущенными к публикации. Тайная печать независимых или противоположных мнений не только сурово каралась смертной казнью, но и была затруднена государственным контролем над всеми материалами. Это интеллектуальная трусость, которая избегает спора на равных и осмеливается нападать и оскорблять противника только после того, как его сковали и надели на него намордник. Но это было эффективно; партийная пресса могла безвозмездно, день за днем навязывать читателям не только свою доктрину, но и тенденциозное представление или искажение фактов и событий, или полное их опущение. Несмотря на все предвзятое недоверие к односторонней информации, постоянно повторяющиеся, никогда не опровергаемые взгляды, так хорошо подтвержденные представленными фактами, в конечном итоге должны были завладеть умами. Тем более, что они были представлены как часть и результат привлекательной доктрины, идеологии общности и труда: конец эгоизму и эксплуатации, новое царствование преданности народному благу, регулируемый труд и процветание для всех, совместное усилие для величия и будущего нации, с суровым наказанием, конечно, для всех ее врагов.

В то же время все словесные контакты строго контролировались. Партия повсюду имела своих членов и приверженцев, в офисах, в цехах, все они были воодушевлены моральным долгом осуждать как врагов общества всех, кто выражал иное мнение, осмеливался критиковать или распространял слухи. Таким образом, никакая оппозиция не могла сформироваться, за исключением крайне скрытных незначительных групп; повсюду царило ощущение полного бессилия.

Таким образом, по сравнению с древними формами деспотического правления, современный капитализм продемонстрировал огромный прогресс эффективности в технике подавления. Возьмем ли мы английское правительство тори в начале XIX века, не имевшее полиции, или прусский абсолютизм или русский царизм в более поздние времена с их примитивной варварской жестокостью, все они представляют собой зрелище тупой беспомощности, нормальной для правительства, живущего вдали от народа. В английских судах редакторы и авторы вели упорную борьбу за реформу и свободу печати, и народ аплодировал им, когда они попадали в тюрьму. Царские тюремщики часто не могли скрыть своего уважения к революционерам как представителям высшей культуры. Неоднократно прусской полиции, пойманной в ловушку лучшей организацией социалистических рабочих, приходилось страдать от выставления в судах в качестве простаков.

Теперь с этим было покончено. Новый деспотизм был оснащен всеми двигателями современного государства. Вся сила и энергия, которую вызывает капитализм, сочетается с самой основательной тиранией, которая необходима крупному капиталу для поддержания своего господства. Нет трибунала, который мог бы отдать справедливость субъекту, выступающему против государства. Судьи — члены партии, агенты государства, увольняемые, если они мягкотелы, не связанные никаким сводом законов, отправляющие правосудие по указам сверху. Судебные иски становятся публичными только тогда, когда

это необходимо для пропаганды, для запугивания других; и тогда газеты публикуют только то, что судья сочтет нужным. Полиция состоит из строго организованных и дисциплинированных грубиянов, снабженных всем оружием и методами для избиения «Volksgenossen» [соотечественников — прим. ред.]. Тайная полиция снова стала всесильной, более способной, чем в прежние времена. Ни один закон не защищал никого от заключения в тюрьму, на неограниченный срок, без суда и следствия. Концентрационный лагерь, ранее изобретенный как военная мера против партизан, теперь был установлен как форма массовой тюрьмы с каторжным трудом, часто сопровождаемым систематическими жестокостями. Личное достоинство не уважалось, его больше не существовало. Там, где мелкобуржуазная грубость, превращенная в извращенное злоупотребление неограниченной властью, была снабжена всей изобретательностью современного капитализма, жестокость по отношению к жертвам может достичь уровня, соперничающего с худшим варварством прошлых веков. Жестокость, как правило, является следствием страха, пережитого в прошлом или предчувствуемого в будущем, выдавая тем самым то, что скрыто в подсознании. Но на данный момент все противники оказались бессильны, замолчали и запуганы.

Духовная тирания дополнялась непрекращающейся пропагандой, особенно рассчитанной на молодое поколение. Правители прекрасно знают, что они могут привлечь на свою сторону лишь очень немногих из старшего поколения рабочих, которые, выросшие на благородных идеях социал-демократии, сохранили их как драгоценное воспоминание, хотя и лишенное практического применения. Только для молодых, переживших упадок социал-демократии как правящей партии, пропаганда могла быть эффективной. Но именно на подрастающую молодежь, которую она сама воспитывала и формировала, национал-социализм возлагал свои надежды как на сырьё для своего нового мира.

Неудивительно, что здесь она имела большой успех. Как ни одна партия или группа до него не занималась молодежью. Национал-социализм назначил способных лидеров, хорошо разбирающихся в современной психологии, располагающих большими финансовыми средствами, которые с полной самоотдачей собирали и воспитывали молодежь во всеохватывающей организации. Все врожденные чувства товарищества, взаимопомощи, привязанности, активности, честолюбия могли развиваться в молодых людях. Они были полны уверенности в том, что являются важной частью национального сообщества с важной собственной задачей. Не завоевание хорошего положения для себя, что является высшим идеалом молодежи в капиталистическом обществе, а служение и продвижение вперед национального сообщества. Юноши должны были почувствовать себя будущими бойцами, готовиться к великим свершениям не заучиванием, а энергичностью, наглостью, боеспособностью и дисциплиной. Девушки должны были готовиться к тому, что в будущем они станут героическими немецкими матерями; увеличение населения, по возможности быстрое, было условием силы в мировой борьбе.

Дети с рвением впитывали новое учение, которое намного превосходило духовное влияние их родителей и учителей. Против них они выступали как горячие поборники и выразители нового вероучения, специально обученные для этой задачи. Они не просто вели пропаганду дома и в школе, но и докладывали своим новым лидерам о спорах и разногласиях в семье. Следовательно, выступать в роли шпионов и обличителей своих собственных родителей,

которые под угрозой сурового наказания должны были воздерживаться от любых попыток воспитать своих детей в своем собственном духе. Дети принадлежали государству, а не родителям. Таким образом, для будущей войны была подготовлена миллионная армия, не имеющая себе равных по энтузиазму и преданности. Такое воспитание предполагает тщательную защиту от любого противоположного влияния, которое могло бы вызвать сомнения, неуверенность и внутренние конфликты. Сомнения и внутренние конфликты, конечно, вырабатывают сильные характеры независимых мыслителей; но такие нацизму не нужны. Что ему было нужно, и что он пытался создать односторонним преподаванием единственной истины, так это слепая вера и, основанная на ней, фанатичная преданность, необходимая для неотразимого нападения.

Сила национал-социализма заключалась в его организации материального производства, физических сил. Его слабость заключалась в попытке унифицировать менталитет, интеллектуальные силы, в обоих случаях путем грубого принуждения. Большинство ее приверженцев и выразителей происходили из низших слоев среднего класса, грубых, невежественных, узко мыслящих, желающих занять более высокое положение, полных предрассудков, легко поддающихся жестокости. Они пришли к власти не через интеллектуальное, а через физическое и организационное превосходство, через смелость и боевитость. Они навязывали свой дух насилия доминирующим интеллектуалам и рабочим. Так в подрастающем поколении воспитывалось уважение к грубой силе, презрение к науке и знаниям; для честолюбивых, вместо мучительной терпеливой учебы, более легкий путь к высоким должностям вел через партийную службу, которая требовала не знаний, а только крепкого закаливания, физической подготовки, грубой силы и дисциплины.

Крупный капитализм, однако, не может развиваться без науки как основы технического прогресса и без интеллектуального класса с важными функциями, экономическими и социальными. Развитие и поощрение науки является жизненным интересом капитала. Новая политическая система привела его в противоречие не только с человечеством и культурой, но и с собственной духовной основой. Для поддержания своего господства он подверг разложению то, что составляло его силу и оправдание. Это отомстит за себя, когда в борьбе капитализмов за мировую власть потребуются высочайшее совершенство техники, и его пренебрежение не сможет быть компенсировано физическими ограничениями. Великие научные и технические способности немецкого народа, его инженеров, ученых, рабочих, которые вывели его на передовую промышленного прогресса, теперь прикованы к военной колеснице крупного капитализма и, повышая его боевую мощь, будут растрчены и испорчены в этом рабстве.

Более того, национал-социализм пытался навязать науке саму свою теорию, придав национализму теоретическое выражение расовой доктрины. Всегда немецкий национализм принимал форму поклонения древним тевтонам, чьи достоинства как зеркала для женоподобных римлян превозносил Тацит. Немецкие авторы разоблачали теорию «нордической» расы, превосходящей другие расы и предназначенной для господства над ними, которую сегодня представляют немцы и некоторые соседние народы. Теперь эта теория смешалась с антисемитизмом. Особые способности евреев к коммерции и денежным операциям, медицине и юриспруденции уже полвека назад вызывали сильные антисемитские чувства среди мелкой буржуазии и в академических кругах. Ни среди

крупной буржуазии, которая, овладев промышленной прибавочной стоимостью, не боялась еврейских финансов, ни среди рабочего класса они не имели никакого значения. Антисемитизм был настроением низшего среднего класса; но большинство приверженцев национал-социализма происходило именно из этих кругов. Еврейская иммиграция с Востока после первой мировой войны, внедрение примитивных методов торговли — бартера, и назначение евреев на политические должности в Веймарской республике усилили ненависть и сделали антисемитизм главным кредо наиболее влиятельных новых лидеров.

Таким образом, расовая теория стала центральной доктриной национал-социализма. Настоящими немцами являются не все немецкоязычные жители Германии, а только «арийцы» — то же самое относится и к окружающим народам, таким как скандинавы и голландцы; англичане уже слишком испорчены капитализмом. Неарийские сожителы, евреи, не имели никаких прав; разрешение на поселение они использовали не по назначению, собирая капитал, грабя и нагло подавляя арийцев. Поэтому теперь их экспроприировали, а гонения постепенно усилились до грубого насилия и преднамеренного истребления.

Национал-социализм с помощью своей политической власти навязал науке эту расовую теорию. Он назначил выразителей этой доктрины университетскими профессорами и выделил огромные средства на издание книг и периодических изданий в ее защиту. То, что доля научной истины в ней крайне мала, не могло быть препятствием. Властный капитализм всегда возводит в официальную науку те доктрины, которые служат его целям; они господствуют в университетах повсюду; но критика и противоположные мнения имеют возможность быть высказанными, хотя и не с официальных кафедр. При национал-социализме, однако, всякое критическое обсуждение официальной доктрины стало невозможным. Еще более гротескным было распространение расовой теории на физику. В физике теория относительности Эйнштейна рассматривалась почти всеми физиками как важнейший прогресс науки, основа многочисленных новых разработок. Но Эйнштейн был евреем, и поэтому антисемитизм выступил против этой теории. Когда к власти пришел национал-социализм, еврейские профессора, часто люди с мировой славой, были уволены и изгнаны; антисемитских противников относительности приветствовали как гениальных выразителей «немецкой физики», выражения здравого и простого арийского интеллекта, против «еврейской физики», состоящей в кривых теориях, придуманных путем талмудического искажения мысли. Легко видеть, что этот «здравый арийский интеллект» — не что иное, как простодушие мещанского мышления, недоступного для более глубоких абстракций современной науки.

В борьбе немецкого капитализма за мировую власть антисемитизм был не нужен, скорее, был недостатком. Но у него не было выбора. Поскольку буржуазия не решилась присоединиться к народной борьбе 1848 года за господство, ей пришлось уступить лидерство другим классам. Сначала земельной аристократии с кайзером, которые своей глупой дипломатией были ответственны за поражение в первой мировой войне. Теперь мелкобуржуазной партии и ее лидеров, которые сделали это увлечение основой политики, которая, вызывая презрение и сильную ненависть во всем мире, подготовила новое поражение.

С самого начала национал-социализм уделял особое внимание крестьянам. В платформе любой мелкобуржуазной партии говорилось об избавлении крестьян от эксплуатации со стороны ипотечного и банковского капитала. Кроме того, в условиях надвигающейся войны было крайне необходимо, чтобы Германия прокормила себя и имела достаточное количество сырья. Поэтому необходима была организация сельского хозяйства, как важная часть оптовой организации производства. Она была выражена в национал-социалистической идеологии класса крестьян, неразрывно связанных с землей, хранителей расовой силы предков, истинного «дворянства крови и земли». Его нужно было защитить от разлагающего влияния капитализма и конкуренции, соединить в единое целое с плановым производством. Соответствие реакционным формам мышления нацистской системы достигалось путем возрождения средневековых обычаев и форм рабства, отмененных французской революцией.

Таким образом, ипотека была запрещена, фермеру не разрешалось вкладывать иностранный капитал в мелиорацию. Если ему нужны были деньги на хозяйство, он мог обратиться в государственные конторы, и таким образом его зависимость от государства возрастала. При ведении хозяйства он подчинялся ряду предписаний, ограничивающих его свободу. Прежде всего, это касалось продуктов, которые он должен был выращивать; поскольку сельское хозяйство должно было кормить весь народ, что было сложной проблемой при плотном населении, а тем более в военное время, необходимо было точно определить потребности и доходы. Продажа тоже была организована. Продукты должны были доставляться в закупочные конторы по ценам, установленным сверху, или агентам, посещающим фермы. Перед ними стояла важнейшая задача и обязанность: накормить национальное сообщество. Однако эту истину им пришлось проглотить в виде полного подчинения правительственным мерам, иногда доходившим до прямого изъятия урожая. Таким образом, фермеры, ранее свободные в борьбе с превратностями капитализма, превратились в крепостных государства. Чтобы соответствовать чрезвычайным условиям крупного капитализма, для крестьян были восстановлены средневековые условия под благовидными названиями.

Рабочим уделялось не меньшее внимание, хотя и иного рода. Для великой цели завоевания мировой власти интернационально настроенный рабочий класс, борющийся с капитализмом, раскалывающий национальное единство, должен был сначала стать бессильным. Поэтому первым делом революции 1933 года было уничтожение социал-демократической и коммунистической партий, заключение в тюрьму или изгнание их лидеров, подавление их газет, сожжение их книг и превращение профсоюзов в национал-социалистические организации. Труд был организован не рабочими и для рабочих, а капиталом и для капитала, через его новых управляющих агентов. Вместо профсоюзов, где, по крайней мере формально, хозяевами были сами рабочие, появился «трудовой фронт», руководимый назначенными государством лидерами. Его задачей была не борьба с работодателями за улучшение условий труда, а стимулирование производства. В производственном сообществе, на фабрике, работодатель был лидером, и ему нужно было безоговорочно подчиняться. Национал-социалистические лидеры трудового фронта, часто бывшие чиновники профсоюзов, вели переговоры с работодателем и подавали жалобы, но последний принимал решение.

В намерения нацизма не входило делать рабочих беспомощными жертвами произвола работодателей; последние также должны были подчиняться высшим диктаторам. Более того, для своей великой цели, мировой борьбы, национал-социализм нуждается в доброй воле, в преданном сотрудничестве всех, как солдат, так и рабочих; поэтому, кроме непрекращающейся пропаганды, пригодились хорошее обращение, насколько это было возможно. Там, где от них требовались большие усилия и крайние трудности, наградой была похвала за выполнение долга. Если они упирались и не хотели, жесткое ограничение давало понять, что они бессильны. Свободный выбор хозяина больше не имеет смысла, поскольку реальный хозяин везде один и тот же; рабочих перебрасывают из одного цеха в другой по команде сверху. При национал-социализме рабочие были превращены в каменных рабов государства и капитала.

Как могло случиться, что, кажется, такой мощный рабочий класс, как немецкий, в разгар социал-демократии, почти готовый завоевать мир, впал в такое полное бессилие? Даже для тех, кто осознавал упадок и внутреннее вырождение социализма, его легкая капитуляция в 1933 году без боя и полное разрушение его внушительной структуры стали неожиданностью. Однако в определенном смысле можно сказать, что национал-социализм является закономерным потомком социал-демократии. Национал-социализм мог подняться до такой силы только на плечах предшествующего рабочего движения. При более внимательном рассмотрении внутренней связи вещей можно увидеть, что не только коммунизм своим примером государственной диктатуры, но и социал-демократия подготовили почву для национал-социализма. Лозунги, цели, методы, придуманные социал-демократией для рабочих, были переняты и применены национал-социализмом для капитала.

Сначала идея государственного социализма, сознательно спланированной организации всего производства централизованной властью государства. Конечно, имелось в виду демократическое государство, орган трудового народа. Но намерения не идут в сравнение с силой реальности. Орган, который является хозяином производства, является хозяином общества, хозяином производителей, несмотря на все попытки сделать его подчиненным органом, и с необходимостью превращается в правящий класс или группу.

Во-вторых, в социал-демократии ведущая бюрократия уже перед первой мировой войной приобрела господство над рабочими, сознательно стремилась к нему и отстаивала его как нормальное социальное состояние. Несомненно, эти лидеры с таким же успехом превратились бы в агентов крупного капитала; для обычного времени они сослужили бы хорошую службу, но для лидеров в мировой войне они были слишком мягкими. Принцип «вождя» не был изобретен национал-социализмом; он развился в социал-демократии, скрываясь под демократической видимостью. Национал-социализм открыто провозгласил его как новую основу общественных отношений и привлек все его последствия.

Более того, многое из программы социал-демократии было реализовано национал-социализмом; и это — ирония истории — особенно те цели, которые были раскритикованы как наиболее отталкивающие средним классом прошлого. Наведение порядка в хаосе капиталистического производства путем планового регулирования всегда объявлялось невозможным и осуждалось как невыносимый деспотизм. Теперь государство в

значительной степени осуществило эту организацию, тем самым значительно облегчив задачу рабочей революции. Как часто намерение социал-демократии заменить автоматизм рынка и цеха сознательно организованным распределением подвергалось осмеянию и отвращению: все одинаково распределены на нормализованные потребности, накормлены и одеты государством, все одинаковы и образцовы. Национал-социализм далеко продвинулся в реализации этого фиктивного представления. Но то, что в социалистической программе означало организованное изобилие, здесь представлено как организованная нужда и голод, как максимальное ограничение всех жизненных потребностей, чтобы как можно больше производительных сил оставалось для военных материалов. Таким образом, социализм, который получили рабочие, был скорее пародией, чем реализацией; то, что в социал-демократических идеях носило характер богатства, прогресса и свободы, здесь нашло свою карикатуру в скудости, реакции и угнетении.

Главным упреком социализму было всемогущество государства по сравнению с личной свободой в капиталистическом обществе. Эта свобода, конечно, часто была не более чем двусмысленной формой, но это было хоть что-то. Национал-социализм отнял даже это подобие свободы. Система принуждения, более жесткая, чем та, которую любой клеветник осмелится приписать социализму, была навязана человечеству капитализмом в его силе и чрезвычайности. Поэтому она должна была исчезнуть; без свободы человек не может жить. Свобода, действительно, есть лишь собирательное название для различных форм и степеней рабства. Человек по своим телесным потребностям зависит от природы; это основа всех зависимостей. Если жизнь невозможна иначе, как через сдерживание свободных импульсов, то они должны быть сдержаны. Если производительный труд может быть обеспечен только подчинением командной власти, то командование и подчинение — это необходимость. Сейчас, однако, они являются необходимостью только для поддающегося капитализма. Для поддержания эксплуатации он навязывает человечеству систему жестких ограничений, которые для самого производства, для жизни человека, не нужны. Если бы фашистская система, вместо того чтобы быть разбитой в мировой войне, смогла стабилизироваться в прочном мире, система организованного производства, обеспечивающая, как она притворяется, изобилие всех жизненных потребностей, даже тогда она не смогла бы продержаться долго. Тогда по необходимости она должна была погибнуть из-за внутреннего противоречия: освободить человечество от ограничения его потребностей и в то же время пытаться удержать его в социальном рабстве. Тогда борьба за свободу, как единственное оставшееся желание, будет поднята с неодолимой силой.

Рабочие не могут тешить себя легкой иллюзией, что с поражением в мировой войне роль национал-социализма будет исчерпана. Эпоха крупного капитализма изобилует его принципами и подстрекательствами. Старый мир не возвращается. Правительства, даже те, которые называются демократическими, будут вынуждены все больше вмешиваться в производство. Пока у капитала есть власть и есть страх, деспотические методы управления будут возникать как грозные враги рабочего класса. Не всегда в открытой форме жестоких диктатур среднего класса или военных диктатур; они могут также принимать вид рабочих правительств, исходящих из рабочих боев, возможно, даже под маскировкой или под противоречивым названием правительств советов. Поэтому рассмотрение в общих чертах их места и роли в развитии общества не кажется излишним. Сравнение с подъемом другого нового класса, ранее среднего класса, может предложить аналогию, хотя и неопределенную

и, несомненно, используемую с осторожностью и с оговоркой, что сейчас темпы социальной эволюции намного быстрее, но должны идти дальше и глубже, чем это было в прошлые века.

Возникновение буржуазии происходило по ступеням постепенно растущей власти. От бесправных бюргерств раннего средневековья они ведут к купцам и гильдиям, управляющим своими городами, борющимся с дворянством и даже побеждающим рыцарские армии в открытом поле; это важный элемент средневекового мира, но лишь островок в океане аграрной власти. С помощью денежной власти бюргеров короли возвышаются над другими феодальными державами и устанавливают централизованное управление в своих королевствах. Об их абсолютизме часто говорят как о состоянии равновесия, когда дворянство уже не было, а буржуазия еще не была достаточно сильна для господства; поэтому третья сила, защищая привилегии одного и торговлю другого класса, опираясь на них обоих, могла управлять обоими. Пока, после нового роста торговли и промышленности, буржуазия не усилится настолько, чтобы свергнуть это правило и стать хозяином общества.

Подъем рабочего класса в XIX веке был подъемом бесправной, эксплуатируемой, несчастной массы в класс с признанными правами и с организациями для их защиты. Их профсоюзы и политические партии можно сравнить с гильдиями и городскими самоуправлениями бюргеров — важнейшим элементом всемогущего капиталистического мира. Однако если тогда бюргеры могли наращивать свою денежную мощь отдельно, оставляя дворянство с его земельной собственностью в покое, то теперь рабочие, чтобы наращивать свою экономическую мощь, вынуждены отбирать средства производства у капиталистов, так что непосредственной борьбы не избежать. Как тогда в ходе дальнейшего подъема старые институты, независимые городские правительства были уничтожены, а бюргеры подчинены крупнейшими из феодалов, князьями, хозяевами мелкой аристократии, так и теперь старые организации труда, профсоюзы и партии, уничтожены или подчинены крупным капитализмом, что расчищает путь для более современных форм борьбы. Таким образом, существует определенная аналогия между прежним абсолютизмом и новой диктатурой, третьей силой, стоящей над противоборствующими классами. Хотя мы еще не можем говорить об их равновесии, мы видим, что новые правители апеллируют к труду как основе своей системы. Можно предположить, что на более высокой стадии власти труда могут возникнуть замаскированные диктатуры, опирающиеся на поддержку труда, временные попытки удержать рабочих в повиновении перед окончательной победой.

Историческая аналогия также может быть полезна, чтобы показать, что развитие не обязательно везде идет по совершенно одинаковым путям. Позднее господство среднего класса в Голландии и Англии, в результате борьбы с попытками абсолютизма, развилось из средневековых городских привилегий, не живя при абсолютизме. Точно так же и сейчас может быть, что если в одних странах возникают фашистские диктатуры, то в других для этого нет условий. Тогда формы и условия борьбы рабочих также будут разными. Невозможно представить себе, чтобы в странах, где свобода личности прочно укоренилась во всех классах, как, например, в Англии и Америке, могло быть установлено полное рабство, хотя отдельные меры фашистского характера возможны. Капиталистическое господство там основано на более тонких, более духовных элементах власти, более

действенных, чем грубое насилие. Там власть рабочих долгое время будет оставаться скудной и бессознательной; практические нужды будут заставлять делать частичные шаги в направлении организации советов, а не великой революционной борьбы за основы. Рост ясного сознания класса и организация производства являются гораздо более обширной и трудоемкой задачей, когда ум заполнен идеями среднего класса и когда общество полно неорганизованной мелкой торговли.

В странах с сильной фашистской диктатурой, с другой стороны, самой тяжелой частью задачи рабочих является прямая борьба за ее свержение. Там диктатура уже далеко продвинулась в очищении от мелкой торговли с ее чувством независимости, а также от идей среднего класса. Разум уже склоняется к организации промышленности, идея сообщества присутствует, хотя на практике это фикция. Жесткое давление, заставляющее всех впрягаться в одну упряжку рабства, регулировать производство, нормировать потребление, унифицировать жизнь, вызывает недовольство и отчаяние, которые сдерживаются лишь более жестким подавлением. Поскольку вся физическая сила и огромная духовная власть находятся в руках правителей, борьба требует от рабочих высочайшей степени преданности и мужества, ясного понимания и единства. То же самое произойдет, если капитализм добьется успеха в установлении единой верховной власти над всей землей.

Однако цель национал-социалистической диктатуры — завоевание мировой власти — делает вероятным, что она будет уничтожена в развязанной ею войне. Тогда она оставит Европу разрушенной и опустошенной, хаотичной и нищей, производственный аппарат, приспособленный к орудиям войны, полностью изношенным, почва и рабочая сила истощены, сырья нет, города и фабрики в руинах, экономические ресурсы континента растрочены и уничтожены. Тогда, в отличие от Германии 1918 года, политическая власть не перейдет автоматически в руки рабочего класса; державы-победительницы не допустят этого; все их силы теперь будут направлены на то, чтобы удержать ее. В то же время новые правители и лидеры представляют себя с обещаниями и программами нового и лучшего порядка, а союзные армии освобождают европейский континент для эксплуатации американским капитализмом. Тогда, в этом экономическом, социальном и духовном хаосе, рабочим предстоит найти пути для классовой организации, пути для прояснения своих идей и целей, пути для первых попыток реконструкции производства. Там, где растет ядро организации, борьбы, производства, где завязываются широкие связи, где умы борются за ясные идеи, там закладывается фундамент и делается задел на будущее. С частичными успехами, завоеванными в самоотверженной борьбе, через сильное единство и понимание, продвигаясь постепенными шагами, рабочие должны построить свое новое общество.

Пока еще невозможно предвидеть грядущие формы социальной борьбы и активности в различных странах. Но можно с уверенностью сказать, что, как только они поймут это, сознание своей великой задачи, как яркая звезда, будет вести рабочих через все трудности на их пути. Уверенность в том, что своим трудом и борьбой они укрепляют силу и единство рабочего класса, братство человечества, воодушевит их сердца и осветит их умы. И что борьба не закончится до тех пор, пока трудящееся человечество не завоеует полную свободу.